

УДК 81'373

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. МАГДЕЕВА

Д.К. Вахитова, аспирант

В настоящее время ни в одном обществе, от самого примитивного до наиболее цивилизованного, не наблюдается никаких признаков сокращения инвективного словоупотребления. При этом, однако, не существует ни одного современного общества, которое не пыталось бы бороться со словоупотреблением такого рода.

На сегодняшний день существует огромное количество подходов к определению сути инвективной лексики со стороны педагогов, юристов, психологов, лингвистов и т.д. «Словарь иностранных слов» (1992) определяет инвективу следующим образом: «Инвектива (лат. *investiva* (*oratio*) бранная речь) – резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение, оскорбительная речь». С лингвистической точки зрения В.И. Жельвис определяет инвективную лексику как раздел общенациональной лексики, который, с одной стороны, неcodифицирован (не разрешен к использованию в лингвокультурной ситуации), а в крайней своей части даже категорически запрещен (табуирован); с другой стороны, он должен быть известен всем носителям языка в данной социальной подгруппе [2;11].

Внутри инвективной лексики целесообразно различать единицы, относящиеся к: а) литературному языку (представляющиеся резко негативными, оскорбляющими оценками); б) «внелитературной» сфере языка, в которой сосредоточены наиболее грубые лексико-фразеологические единицы, в первую очередь обценная лексика и грубые жаргонизмы, как нега-

тивная, бранная оценка человека, его поведения, действий и т.д.

Классифицировать инвективные средства можно несколькими способами. Вполне возможна и продуктивна структурно-языковая, функциональная классификация. Безусловно, также интересна классификация инвективных обращений, предложенная В.И. Карасиком. Остановимся более подробно на тематической классификации, разработанной В.И. Жельвисом. Разумеется, инвективные темы многочисленны и разнообразны, и некоторые из них популярны практически в любой культуре. Наиболее охотно используются инвективы, основанные на всевозможных метафорических и метонимических переносах. Прежде всего, это названия животных, частей тела, неодушевленных предметов, профессий, физических и умственных недостатков, имена собственные, а также названия, взятые из растительного мира. Некоторые инвективные единицы могут употребляться в прямом смысле, а также междоменно.

По мнению В.И. Жельвиса, одной из важнейших особенностей всякой инвективной лексики является ее устная форма существования. Резкость и недопустимость инвективы стремительно возрастает, если из устной речи она проникает в печать. В данном случае речь не идет о том, печатать или не печатать инвективы, а о том, должны ли инвективы в речи литературного персонажа в количественном отношении соответствовать реальности, или же автору достаточно привести

лишь некоторое количество инвективных единиц для создания необходимого впечатления [1, с.66].

Следует отметить, что данный вопрос достаточно непрост. С одной стороны, убедительным кажется мнение, что насыщенная инвективами речь литературного персонажа не может быть передана иначе как с помощью употребляемого этим персонажем в реальной жизни словаря, в противном случае пришлось бы говорить об отходе автора от отображаемой им действительности. Но, как правило, в художественном тексте речь персонажа представляется не целиком, не как естественный речевой поток, а выборочно, для передачи наиболее существенного, с точки зрения автора.

В произведениях известного татарского писателя Мухаммета Магдеева речь литературных героев максимально приближена к естественному речевому потоку, при этом он не прибегает к постоянному употреблению инвективной лексики. В данной статье мы более подробно остановимся на использовании инвективной лексики в таких произведениях М.Магдеева, как «Мы – дети сорок первого года», «Фронтвики», «Горький опыт», «Человек уходит – песня остается».

На основе тематической классификации инвективных лексических единиц, разработанной В.И. Жельвисом, в произведениях М.Магдеева мы можем выделить множество подгрупп.

Следует отметить, что в его произведениях среди всех инвективных единиц преобладают зооэпитеты: *мөгезле* – рогатый, *сарык көтүе* – стадо баранов, *калай этәч* – жестяной петушок, *уҗым бозаулары* – телята на озимых, *мамыксыз торна* – журавль бесперый, *шыксыз үрдәк баласы* – гадкий утенок, *ахмак бозау* – глупый теленок, *ахмак сыер* – тупая корова, *бозау булма* – не будь теленком, *юньсез хайван* – непутевая скотина и др. Зооэпитеты характерны для всех без исключения языков, являя собой классический пример унирессалии. При помо-

щи таких ассоциаций инвектант обвиняет оппонента в наличии определенного отрицательного качества, которое национальная традиция приписывает тому или иному животному. Однако наиболее популярными зоосравнениями являются сочетания со словом *эт* – собака, а также *дуңгыз* – свинья: *Ах, дуңгыз малай* – Ах, поросенок!; *Эт тә халык инде* – Ну и собаки же народ. *Эт җән* – собачья душа; *Чык әле монда, эттән туган нәрсә* – Ну-ка, выйди сюда, сукин сын! [4; 111] и др. Данные вокативы также могут приобретать не уничижительный, а комплиментарный смысл. Примеры такого использования достаточно часто встречаются в повести «Мы – дети сорок первого года»: *Шәп җырлый, дуңгыз малай...* – Здорово поет, поросенок; *Ну, эттә инде, собаки! Ничек чын күңелдән җырлый!* – Ну и хват, собака! Как искренне поет!», а также в произведении «Горький опыт»: ... *дуңгыз диләр безнең авылда яратып та* – свиньей называют в нашей деревне и любя [3, с.249]. Следует подчеркнуть, что слова *собака* и *свинья* пользуются популярностью в составе инвективных идиом в большинстве языков мира.

Что касается инвектив, связанных с растительным миром, они используются автором крайне редко: *Син әле тал чыбыгы* – Ты пока еще ивовый пруток [4 с.313].

Богохульства как элемент инвективной стратегии М.Магдеев также использует достаточно часто. В данном аспекте мы можем выделить три вокатива: *шайтан*, *каһәр*, *чукынган* и их производные. В.И. Жельвис выделяет семь подгрупп богохульств. В произведениях М.Магдеева встречаются название дьявола, ада, вообще сил зла: *шайтаным*, *телең шайтан текергән*, *шайтан алгыры*, *шайтан белсен*, *алтынчы дәрәс – әҗәл* и т.д., всевозможные проклятия, прозвища и т.п.: *шайтан алсын*, *каһәр суксын* и *чукынчык*, *чукынган кыз*, *җаныңны каһәрләдем*. С именем Бога встречается только одна идиома: *Алланың ачы каһәре суккыры!*

Обширнейшую группу инвектив составляют заимствования из русского языка. М.Магдеев использует заимствования различного характера, например, богохульства: *Ә, чуртым, Мәрсүрә укытучымыни ул!* – Черт возьми, разве Масрура учитель! эпитеты с ярко выраженной негативной окраской: *Валетдинов, ужасный кеше син!* – Валетдинов, ты ужасный человек!; *противный; кот несчастный; Нәрсә, тотылдыңмы, бессовестный!* – Ну что, попался, бессовестный! и т.п. Кроме того, часты примеры употребления в качестве уничижительных средств названий профессий и занятий в переносном значении: *колхозник; шпион бит син* – ты же шпион; *гестапо агенты* – агент гестапо; *экзакутор; карагыз, карагыз теге клоунны* – смотрите, смотрите на этого клоуна; слов, содержащих в своем значении отрицательную экспрессивную оценку чьей-либо личности *маразматиклар* – маразматики; *хулиган малайлар* – мальчишки-хулиганы; *разгильдяй; оятсыз нахал* – бессовестный нахал; *мәгънәсез идиот* – бестолковый идиот; *язва; гад*; слова и выражения, напрямую обозначающие социально осуждаемое поведение или деятельность: *бездельник; синең кебек поддоноклар!* – такие подонки как ты!; *бетле бандитлар* – вшивые бандиты; *ул чистый жулик бит* – он же чистый жулик и т.п. Как правило, заимствованные инвективные единицы включаются автором в речь литературного героя для придания эпизоду наибольшего накала, экспрессивности, будто они сами по себе вырываются с языка героя под давлением эмоций, когда он находится на таком эмоциональном пике, что ему представляется трудным подобрать соответствующие слова на своем родном языке.

В романе «Фронтвики» один из главных героев Гата, ввиду особенностей своей профессии, довольно часто использует инвективную лексику из терминологии морского флота: *Полундра; Юеи фитильлар сез «Эх вы, мокрые фитили»* и т.п., что наиболее

ярко раскрывает глубину данного персонажа.

Во многих произведениях М. Магдеева так или иначе затрагивается тема войны. А поскольку большинство героев автора являются истинно народными персонажами, в их рассуждениях на военные и политические темы неизбежны вкрапления бытовой инвективной лексики: *Шул усакка асылыныр Муссолини капкорсак* – На этой осине повесится пузатый Муссолини; *Гитлерның жанын фәлән итим* – Гитлера в душу так-растак; *Дөньяда фашист дигән эт чылбырдан ычкынган, ә ул – бик хәтәр эт* – В мире собака по прозвищу фашист сорвалась с цепи, а это – очень страшная собака; *Фашист армиясе бик кабахәт армия ул* – Фашистская армия это очень подлая армия и др.

М.Магдеев также заимствует инвективные единицы из фольклора:

*Аклы ситса күлмәгемнең
Якалары шулкавай.
Ярың булса бисталкауай
Талкавайлар гатауай.*

(«Мы – дети сорок первого года») [6; 107].

Большое количество инвектив может быть использовано в междометном смысле. Одно из главных отличий от прочих употреблений инвективы – безадресантность. Следовательно, они не преследуют цели прежде всего понизить социальный статус оппонента или оскорбить его другим способом. Оппонента порой может вообще не быть, и инвектива в таком случае звучит «в пространство» и превращается в простое эмоциональное восклицание [2; 84]. В качестве таких средств М.Магдеев достаточно часто использует инвективные выражения *ачуым килмәгәе, пычагым: Сарык итенә лимон суы сибәләр, имеш, ачуым килмәгәе!* – Баранину они лимонным соком поливают, видите ли!; *Без үзбезчә план корган булабыз: өйләнгәч, бер-беребезне туйдан кал-*

дырмаска (калдырмасың, пычагым: без морзалармыни, андый вэгьдәле, төгәл тәрбия безгә каян килсен!) – Мы по-своему строим планы: будем жениться, обязательно пригласим друга друга на свадьбу (пригласишь, как бы не так: что мы, дворяне что ли, откуда у нас такая верность слову и безукоризненное воспитание! Таким образом, инвектива междоветного типа вовсе не ставит целью произвести впечатление своим содержанием, хотя оно может быть достаточно эмоционально насыщенным само по себе в силу шокирующего нарушения социального табу. Ее задача – наметить эмоцию, сообщить собеседнику намерение нарушить табу, и этого оказывается вполне достаточно для создания впечатления эмоциональной нагруженности высказывания.

В настоящее время существует принципиальная возможность сосуществования в одном инвективном словопотреблении двух значений, положительного и отрицательного [2; 95]. В произведениях М.Магдеева зачастую слова, как правило, используемые в положительном значении, приобретают негативную окраску: *Эләктеңме, малакаем!* – А-а, попался, сынок!; *Тукта, туганкай, тукта* – Нет, ты погоди, родной, погоди! и наоборот, уничижительные – с положительной коннотацией: *Шпион, чык инде, жәным, кайда син, ник күренмисең?* – Шпион, выходи, пожалуйста, дорогой, где ты, почему не показываешься?; *Чык инде, тотыл инде, жәнкаем!* – Выйди, пожалуйста, поймайся, пожалуйста, дорогой. Из этого следует очень важный вывод: для эмоциональной лексики возможно противоречивое смешение в одном употреблении, скажем, отрицательно заряженного качества и положительного свойства, и наоборот.

В романе М.Магдеева «Фронтоники» инвективная лексика встречается даже в описании природы: *каен – жиңел акыллы агач* – береза – легкомысленное дерево; *диңгез – рәхимсез* – море безжалостно и т.п.

Для описания литературных героев и их поступков писатель прибегает к использованию глаголов с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *халык алдында жебеп төшмә* – не раскисай перед народом; *тәмам тилертте бит безне* – совсем заморочил же нас; *Не смей сез хәзер теш ыржайтырга* – Вы не смейте сейчас зубы скалить; *күземнән югал* – вон с глаз моих; *нох айн маль, нох айн маль дин желегебезне суырдың* – до мозга костей достал своим нох айн маль, нох айн маль и т.д.; а также слов, содержащих в своем значении экспрессивную оценку поступков, черт характера, деятельности, личности персонажа: *Ах, син, тишек борын!* – Эх ты, нос – две дырки!; *теле зәһәр зәһәрән ...*, *ну яратам* – язык у нее ядовитый, конечно..., но люблю; *явызлар да соң инде китап авторлары – ач калгырлары* – ну и злодеи же эти авторы книг – чтоб им голодными остаться; *менә жебегәнлек, менә малайлык* – вот слюнтяйство, вот мальчишество; *Син бик сыек бит әле* – Ты же совсем еще жидкий; *әрәмтамак* – дармод; *юньсез* – беспутный; *кара эчле* – коварный (букв. с черным нутром); *усал* – злой; *явыз* – вредный; *хәерче тиле* – нищий дурак; *имансыз* – безбожник; *хәйләкәр* – хитрец; *кабахәт* – подлец и т.п.

Ввиду того что в произведении «Горький опыт» отражается автобиография писателя, М.Магдеев использует метафоричные инвективные выражения и в свой адрес: *Мин – ноль икән, тузан бөртеге икән* – Оказываюсь, я – ноль, я – пылинка.

Таким образом, проанализировав инвективные слова и выражения в произведениях выдающегося татарского писателя М.Магдеева, мы можем сказать, что использованная им инвектива достаточно ярко отражает тематическую классификацию, разработанную В.И.Жельвисом, следовательно его классификация является удобной для описания и систематизации этого лексического слоя.

Литература

1. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: Учеб. пособие / В.И. Жельвис. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д.Ушинского, 1990. – 81 с.
2. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
3. Мәһдиев М.С. Ачы тәҗрибә: Истәлекләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 384 б.
4. Мәһдиев М.С. Фронтвиклар: Роман. Икенче басма. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 340 б.
5. Мәһдиев М.С. Кеше китә – жыры кала. Казан утлары. – Казань, 1978. – №11. – С. 7–70.
6. Мәһдиев М.С. Сайланма әсәрләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2009.

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема употребления инвективной лексики в художественной литературе, в частности в творчестве выдающегося татарского писателя М. Магдеева. В качестве элементов инвективной стратегии М. Магдеев достаточно часто прибегает к использованию богохульств и заимствований из русского языка. Однако в его произведениях среди всех инвективных единиц преобладают зоосравнения, тем самым подтверждается тот факт, что в татарском языке инвективная лексика с элементом – зоокапитивом является наиболее многочисленной.

Ключевые слова: инвективные единицы, зоосравнения, заимствования, художественная литература.

Summary

The article deals with the problem of using invective words in fiction, in works of the outstanding Tatar writer M. Magdeev in particular. As the elements of invective strategy M. Magdeev often resorts to blasphemy and borrowings from the Russian language. However, zoocomparisons prevail among all of the invective units in his works, thus confirming the fact that invective units with zooelement are the most numerous in the Tatar language.

Keywords: invective units, zoocomparisons, borrowings, fiction.